

Сударева Дарья Алексеевна

ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ В. П. РУДНЕВА

Статья посвящена анализу проблемы реальности в исследованиях В. П. Руднева, последователя московско-тартуской семиотической школы. Автором рассматриваются предпосылки современного понимания реальности как знаковой системы, а также объясняется понятие семиотической реальности в работах Руднева. Статья содержит модели осуществления концепции возможных миров на примере произведения А. А. Милна "Винни Пух". Автор анализирует процесс последовательного перехода идеи возможных миров в поле проблемы реальности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 1. С. 164-166. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

изменений. При сборе статистических данных уделялось внимание и таким аспектам как урожайность культур, цены на сельскохозяйственную продукцию, скот, рабочие руки.

Процесс формирования статистических данных по обозначенным формам осуществлялся посредством обывателей. Анализируя впоследствии сформированные статистические сведения по губернии, Н. Л. Скалозубов отмечал отдельные проблемы, которые могли приводить к неточности и искажению цифровых показателей, и к их числу относил: неудачный подбор счетчиков, неясность инструкционных писем и слабую организацию общего наблюдения за работой. Не исключением являлось и негативное отношение самого населения к переписной кампании в целом и к некоторым вопросам в частности.

Таким образом, роль и значение частных статистических обследований в регионе была очень высока, а полученные результаты имели востребованность как со стороны административных кругов, так и в научном плане. Организация и проведение частных статистических работ во многом побуждали к более активной деятельности региональные статистические службы.

Список литературы

1. **Власть в Сибири: XVI – начало XX в.** Новосибирск, 2005. 696 с.
2. **Государственный архив в г. Тобольске.** Ф. 417. Оп. 1.
3. **Государственный архив Томской области (ГАТО).** Ф. 234. Оп. 1.
4. **Дамешек Л. М.** Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – начала XX века. Иркутск, 1986. 164 с.
5. **Извлечения из отчета министра внутренних дел за 1834 год.** СПб., 1835. 76 с.
6. **Мисюрев А.** Томская губернская гимназия в первое пятидесятилетие ее существования. 1838–1888 гг. Томск, 1894. 55 с.
7. **Ремнев А. В.** Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. 236 с.
8. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 1290. Оп. 1.
9. **Янсон Ю. Э.** Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. СПб., 1878–1880. Т. 1. 1878. 373 с.

PRIVATE STATISTICAL SURVEYS IN THE CONTEXT OF ACTIVITY OF REGIONAL STATISTICAL SERVICES (BY THE MATERIALS OF WESTERN SIBERIA OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY)

Skopa Vitalii Aleksandrovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Altai State Pedagogical University
sverhtitan@rambler.ru

The article on the basis of archival material and published sources examines statistical surveys that were conducted privately by certain employees within the framework of the activity of the regional statistical centers of Western Siberia in the XIX – at the beginning of the XX century. The poor functioning of the statistical committees motivated for organizing and conducting such type of surveys, the results of which took place in the provincial authorities' practice. The materials of the private statistical surveys, being a supplement to the official statistics, promoted accumulating the information on the region in its development regarding the economy branches.

Key words and phrases: history; statistics; Western Siberia; statistical committee; province.

УДК 1(091)

Философские науки

Статья посвящена анализу проблемы реальности в исследованиях В. П. Руднева, последователя московско-тартуской семиотической школы. Автор рассматриваются предпосылки современного понимания реальности как знаковой системы, а также объясняется понятие семиотической реальности в работах Руднева. Статья содержит модели осуществления концепции возможных миров на примере произведения А. А. Милна «Винни Пух». Автор анализирует процесс последовательного перехода идеи возможных миров в поле проблемы реальности.

Ключевые слова и фразы: реальность; сказка; возможные миры; знаковая система; семиотика.

Сударева Дарья Алексеевна
Южный федеральный университет
daryasudareva@mail.ru

ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ В. П. РУДНЕВА

Проблема реальности является одним из фундаментальных философских вопросов и получает развитие вследствие изменений, происходящих и в науке в частности, и в мире в целом. Одной из причин таких изменений является процесс становления единой общечеловеческой культуры: «Неоднозначный характер становления

этой культуры приводит в настоящее время к возникновению глобальных проблем, сопровождающихся трансграничными этническими миграциями людей, трансграничными потоками мгновенной и неограниченной в объёмах информации, а также религиозно-культурными переносами» [1, с. 8].

Одним из наиболее выдающихся современных исследователей этой проблемы является Вадим Петрович Руднев – российский семиотик, лингвист, культуролог и философ, которого можно назвать последователем московско-тартуской семиотической школы. Он окончил филологический факультет Тартуского университета по специальности «русский язык и литература», учился у Ю. М. Лотмана, Б. М. Гаспарова и В. Н. Топорова.

Руднев исследует философию текста – в частности, тексты сказок – например, «Винни Пух» А. А. Милна. Также в поле его исследований находятся семиотика безумия, метафизика футбола, морфология реальности. Руднев разработал концепцию философии текста, синтезирующую подходы научной и философской методологии XX века, в том числе семиотики, логической семантики, психоанализа и характерологии; он также развил идею культуры XX века как последовательного отказа от реальности. В интервью журналу «Собака» Руднев объясняет свою позицию: «Я никогда не мог понять, что такое реальность, которая дана нам в ощущениях и зависит от наблюдателя, как нам это объясняли на занятиях по диалектическому материализму. И поэтому в своей первой книге “Морфология реальности” я сформулировал идею, в соответствии с которой реальность – это просто очень сложный тип знаковой системы. Настолько сложный, что эта система не воспринимается как знаковая, отчего рядовые пользователи принимают её за чистую монету» [5].

В философии Руднева реальность неразрывно связана с языком. Зная язык, мы можем представить себе и описываемый предмет, существующий в реальности, и саму реальность тоже. Руднев утверждает, что, теряя смысл, реальность теряет существование.

Руднев подчёркивает, что наблюдателю всегда легче и понятнее воспринимать реальность как знаковую, когда она уходит в прошлое. А та реальность, которая существует в настоящем, обладает сложной системой знаковых взаимоотношений и воспринимается как однородная структура. Уходя в прошлое, реальность для нас сильно упрощается, поэтому мы не сомневаемся в семиотичности мира прошлого.

Руднев считает, что невозможно описать хотя бы один момент реальности, так как реальность ежесекундно меняется: люди рождаются и умирают, а те, что живы, постоянно вводят друг друга в заблуждение [4]. Например, для каждого, кто идёт по оживлённой улице, эта улица будет разной, в зависимости от настроения, мироощущения и других субъективных факторов. Кто-то оказался на ней впервые и с интересом разглядывает здания и людей; другой живёт на этой улице и вышел в соседний магазин за покупками – в таком случае он поздоровается с соседями и пойдёт по известному ему направлению; третий спешит после тяжёлого трудового дня и всё вокруг кажется ему мрачным и раздражающим; и так далее. В этой картине реальности останется неизменным лишь название улицы, и в этом проявляется семиотический характер реальности.

Руднев делит любую ситуацию согласно тому, что в ней делать обязательно; не обязательно, но разрешено; либо вовсе запрещено. Согласно Рудневу, именно это составляет деонтическую основу каждой ситуации, её кодификацию в отношении норм и запретов. Демонстрируя деонтическую природу реальности, Руднев приводит в пример поездку в городском общественном транспорте, выделяя при этом метро в силу его семиотической сложности. Именно эта особенность метрополитена делает его наиболее удобной моделью реальности XX века.

Помимо норм, Руднев описывает также ценности, называя их наиболее важной модальной категорией в жизни каждого человека [Там же]. То есть относительно любой ситуации для человека важнейшую роль играет то, насколько она хорошая или плохая, удачная или неудачная, удобная или нет. Это также можно проиллюстрировать с помощью поездки в общественном транспорте: сидеть удобно, стоять – не очень; если транспорт сломался по дороге – это плохо; удачным будет считаться минимальное время ожидания транспорта и т.д.

Третья модальная сфера относится к знанию. Знание бывает полным, неполным, либо и вовсе наблюдается отсутствие знания. Чтобы поездка состоялась и прошла успешно, приведя к ожидаемому результату, человек должен обладать определённым набором знаний: информация о пункте назначения – его название и расположение, номер маршрута, который едет в нужное место, правила поведения в общественном транспорте, согласно которым происходит нормальное функционирование дорожно-транспортной системы, а также масса другой вспомогательной информации.

Описывая свои наблюдения относительно семиотической природы реальности, Вадим Руднев отдельно останавливается на проблеме сновидений и приходит к выводу, что область снов – это область внутреннего опыта человека, которая выходит за границы реальности, то есть за пределы семиотики. Во сне возможное переплетается с невозможным, плохое с хорошим, то есть нарушаются законы, по которым строится семиотическая система. Именно поэтому о сновидениях мы можем сказать, что это область нереального. Но, несмотря на такую неустойчивость и ненадёжность сновидений как хранителей информации, они являются носителями важной культурной функции, поскольку обладают семиотической неопределённостью, представляющей собой пространство, которое только предстоит наделить смыслами.

Очень интересной представляется концепция возможных миров, продемонстрированная Рудневым на примере произведения Милна «Винни Пух», которое долгое время считалось только детским произведением, в отличие, например, от «Алисы в Стране чудес» и «Алисы в Зазеркалье» Л. Кэрролла, вызвавших среди общественности массу откликов общепублицистского или по меньшей мере междисциплинарного характера. В своей работе «Винни Пух и философия обыденного языка» [3] Руднев делает попытку на основе новой переводческой концепции текста «Винни Пуха», философских комментариев и семиотической интерпретации выявить в этом произведении то, что в нём может быть выявлено.

Мир «Винни Пуха» – это мир детства, ограниченный и отстранённый по своей сути. Все персонажи живут и взаимодействуют в Лесу – замкнутом мирке, в котором контакты с внешним миром носят, как определяет Руднев, вторичный и мистический характер. С одной стороны, этот мирок стремится к отстранённости и замкнутости, а с другой – ему важно быть открытым и развёрнутым в прошлое, в свою собственную линию жизни. Герои одновременно и отгораживаются от взрослых проблем, не желая ничего о них знать, но вместе с тем им хочется, чтобы их собственный мир являлся настоящим, а не вымышленным.

Описывая идею возможных миров, Руднев ссылается на С. Криппе и Я. Хинтика, в шестидесятых годах XX века разработавших теорию семантики возможных миров [Там же, с. 42]. Существующее с необходимостью рассматривалось в этой теории как реальное во всех возможных мирах, соотносящихся с действительным миром, а существующее только в возможности – как истинное хотя бы в одном из возможных миров, соотносимых с действительным. Таким образом, опираясь на описанную модель, художественная литература представлялась одним из возможных миров. Руднев пользуется описанной моделью при изучении структуры произведения Милна, где проблема утверждения себя разрешается героями через разговоры о возможных мирах, о том, «что бы было, если бы»: например, если бы Кролик был Пухом или наоборот, и так далее. Таким образом, концепция возможных миров и придумывания различных положений вещей становится в произведении лейтмотивной. Идея возможных миров, наконец, теснейшим образом связана с речью самой по себе, с говорением ради говорения, с моделированием мира при помощи примеривания различных вариантов развития событий.

В конце 1980-х годов концепция возможных миров была частично заменена концепцией виртуальных реальностей, которая выразила новый психологический опыт, связанный с массовой компьютеризацией, и переосмыслила проблему реальности. В этом вопросе Руднев опирается на философию Л. Витгенштейна, считавшего, что понятия мира и реальности не являются синонимами [2]. Реальность – это осмысленная часть мира. Руднев полагает, что утверждение Витгенштейна из «Логико-философского трактата» о том, что мир счастливого существа совсем другой, по сравнению с миром несчастливого, – и есть сформулированная идея виртуальной реальности. Исходя из того, что любое состояние сознания можно рассматривать как изменённое, то любую реальность можно считать виртуальной, а реальный мир – лишь одним из возможных миров.

Итак, Руднев, опираясь на философию московско-тартуской школы семиотики, утверждает, что вся реальность семиотизирована, и люди страдают лишь потому, что не знают правил, либо не желают их соблюдать: «Человек, играющий в шахматы, может выиграть и проиграть, человек, смахивающий фигуры с доски, уже не играет в шахматы. Понимание того, что шахматы это всего лишь игра, делает проигрыш гораздо менее болезненным. Можно не относиться всерьёз к шахматам, но при этом уметь играть и все время выигрывать. Можно относиться к ним всерьёз, но при этом все время делать ошибки и проигрывать» [4].

Рассмотрев описанные идеи, можно сделать вывод, что философия Руднева продолжает и развивает концепции Криппе, Хинтика, Витгенштейна и в процессе своего развития переносит идею возможных миров в поле проблемы реальности.

Список литературы

1. Агапов Е. П., Пендюрина Л. П. Социальные практики и межкультурные коммуникации // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. 1. С. 8-11.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. И. Добронравова и Д. Лахути; общ. ред. и предисл. В. Ф. Асмуса. М.: Наука, 1958. 133 с.
3. Руднев В. П. Винни Пух и философия обыденного языка. М.: Аграф, 2000. 320 с.
4. Руднев В. П. Морфология реальности [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/morfologia.txt> (дата обращения: 12.11.2015).
5. Чернов В., Емельянов А., Полякова С. Философский опрос. Философы: Вадим Руднев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sobaka.ru/city/city/10656> (дата обращения: 24.09.2015).

REALITY PROBLEM IN V. P. RUDNEV'S PHILOSOPHY

Sudareva Dar'ya Alekseevna
Southern Federal University
daryasudareva@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the reality problem in the studies by V. P. Rudnev, a follower of Tartu-Moscow Semiotic School. The author examines the prerequisites of the contemporary comprehension of reality as a sign system, and also explains the notion of semiotic reality in works by Rudnev. The paper contains the models of implementing the conception of possible worlds by the example of the work by A. A. Milne "Winnie-the-Pooh". The researcher analyzes the process of the consistent transition of the idea of possible worlds into the field of the reality problem.

Key words and phrases: reality; fairy-tale; possible worlds; sign system; semiotics.